

ВОСТОЧНЫЕ КРАСКИ РОССИЙСКОЙ ПАЛИТРЫ

Майя Петровна Лаптева
доцент кафедры новой и новейшей
истории Пермского государственного
университета, кандидат исторических
наук

Подобно тому, как есть нечто поучительное для человеческого поведения в животном и растительном мире, есть своеобразные «образцы подражания» и в мире красок. Разве не поразительна радуга, гармонично сочетающая в себе полярные цветовые оттенки? Подобный «диалог», вероятно, невозможен в человеческом сообществе. Тем не менее, и в политике, и в культуре немало диалоговых форм и вариантов. К интенсивному диалогу склоняется научное познание и понимание мира. С тех пор, как в XVII веке европейская наука начала стремительное движение по пути дифференциации, полная интеграция научного знания уже невозможна. Однако в последние полтора века упорно возникают различного рода пограничные науки, междисциплинарные методы и подходы. Исследователи разных специальностей заимствуют друг у друга способы различения объекта и предмета. Подобный диалог особенно плодотворен для гуманитарного познания, пространство которого естественным образом соприкасается с пространством точных наук (мир цифр), с одной стороны, и пространством искусства (мир красок), с другой. Соответственно и включение в гуманитарное познание некоторых элементов эстетического или же арифметического свойства.

Бурные надежды на то, что мир цифр «спасет» от шаблона и увядания историческую науку, терявшую престиж к середине XX века, обернулись не только всяческой квантификацией, клиометризацией, компьютеризацией, изменившими ее образ, но и потерей читателя, для которого сплетни о королевских любовницах всегда предпочтительнее длинных и непонятных формул. Разумеется «мир цифр» в каких-то вариантах и ранее присутствовал в гуманитарном познании. Есть даже некоторая мистика чисел: часто встречается число три (три стадии, три эпохи, три периода, три картины мира). Впрочем, эта «мистика» легко объяснима делением исторического времени на прошлое, настоящее и будущее.

Применительно к российской истории цифровая символика и число «три» как одно из ее выражений многократно встречается в мифологических и

эпических представлениях о ней (три богатыря как варианты социального поведения, три дороги как альтернативы развития, три царевны как гендерные разновидности возможной властной стратегии). Извечное российское упование на прекрасное будущее сочетается с пренебрежением к настоящему и недостаточным уважением к прошлому (одни его проклинают, другие идеализируют — и те, и другие искажают). Рывки российской истории отражают ее причудливое метание от «третьего Рима к третьему Интернационалу» (Н.Бердяев).

Палитра красок применительно к восприятию и пониманию мира обогащается как индивидуальными достижениями исследователей, не лишенных таланта в области стиля, так и общим стремлением последних тридцати лет к «возрождению нарратива» в историческом знании, «лингвистическим поворотом», постмодернистским вызовом и ответом на него, исходящим прежде всего от такого направления исторической науки, как интеллектуальная история. Однако было бы «хронологическим снобизмом» не учитывать тот несомненный факт, что символика цвета уже на ранних этапах человеческой истории была осмысленной и определенной. Хотя цветовые восприятия отличались своеобразием у разных народов, но преобладало, например, такое понимание белого цвета, которое означало справедливость, власть, счастье и здоровье. С желтым цветом ассоциировалась надежда, с черным — смерть. Красный цвет символизировал такие понятия как «опасность» и «женщина».

Лев Толстой писал о вкусе и цвете времени. Это высказывание иногда цитируют, но не воспринимают как вариант взгляда на историю. Вкусовое и цветовое восприятие времени (и истории), безусловно, существует, хотя предметом внимания серьезных ученых оно вряд ли становилось. Между тем, как объект анализа оно вполне уместно и с точки зрения повседневной истории, микроистории, и, особенно, в контексте исторической памяти или памяти общества. Вполне логично дифференцировать конкретных носителей этой памяти не только по утвердившимся критериям (групповой, возрастной, гендерный и т.д.), но с учетом темперамента и степени оптимистичности (пессимистичности) взгляда на мир добавить своеобразный «красочный» критерий. Иначе говоря, память может быть окрашена одноцветно, преимущественно в серый цвет, может быть черно-белой, но при более вдумчивом осознании времени она непременно цветная (многоцветная).

Если рискнуть перейти к индивидуальному восприятию времени и истории на этническое (национальное), то, на мой взгляд, в российском самосознании чаще возникало черно-белое, контрастное представление о жизни. Оно естественно для страны и народа с трудной судьбой. Не претендуя на глобальное рассмотрение проблемы цвета в российском понимании истории, хотелось бы взглянуть на тот ее аспект, который связан с восточными сюжетами российской исторической жизни.

В 1936 г. у английского историка А. Тойнби произошла беседа с Гитлером. Впрочем, это был скорее монолог Гитлера, предназначенный для вну-

шения человеку, составлявшему весьма влиятельные обзоры международных событий. Гитлер рассуждал о «желтой угрозе», о том, что главным претендентом на роль поборника «желтых» является Россия. Слушая его, Тойнби подумал, что ленинские призывы к объединению коммунистического и антиколониального движений действительно означали претензии России на руководство желтым, коричневым и черным большинством человечества¹.

Восточные претензии России возникли, конечно, не при большевиках. Российское государство с XVI века включало в себя азиатские территории, поэтому Восток никогда не был для россиян далекой экзотикой. Кстати, этимология слова «Азия» ведет к ассирийскому слову «асу», означавшему «восход, восток». Ассирийцы, правда, называли словом Асу лишь восточное побережье Эгейского моря. Значение слова расширялось по мере увеличения географических познаний. Уже в древности возникло ощущение различия двух великих зон — Востока и Запада. Иудейский царь Давид, подчеркивая беспредельность божественного милосердия, восклицал: «Подобно тому, как отстоит Восток от Запада, удалил Он от нас беззакония наши». Для древних авторов культура и история следовали тому пути, по которому движется солнце: как и солнечный свет, благодатный свет истории и культуры появлялся с востока. Древние египтяне прочно связывали Восток с жизнью, а Запад рассматривали как область смерти, «западными» именовали мертвецов (полоса некрополей тянулась вдоль западного берега Нила).

Для Геродота Восток и Запад противостояли друг другу в комической трагедии истории. Но краски начинали меняться — с востока шла *темная* сила, варвары, несущие зло и смерть, отличающиеся от эллинов грубой физической мощью. Возвеличивание Запада не уменьшало интерес к востоку, напротив, он увеличивался и обострялся. Христианская традиция приняла древнюю ориентацию — самая священная часть церкви — алтарь обращен на восток, а в западном притворе обычно изображаются сцены конца света и Страшного суда. Но при этом Восток в сознании средневекового европейца все более отодвигался на задний план как нечто отдаленное и сугубо экзотическое.

Возникла концепция «экзотизма». Экзотические краски Востока таинственны и непонятны, обладают манящим свойством. Восток и Запад раздельны и несоединимы. Особую популярность концепция «экзотизма» получила во Франции, Англии и Германии во второй половине XVIII века и в первой половине XIX века. Она проявила себя и в художественном, и в научном познании.

С появлением такого существенного различия Запада и Востока как соотношение рационального и традиционного пути развития вплоть до нашего времени упор делается на разнице в отношении к собственности и свободе. В восточных языках имеется масса понятий, означающих не «собственность», а «владение» или «обладание». А в российском массовом сознании до сих пор не осознано различие между собственностью и владением — в русском языке слова «землевладелец» и «земельный собственник» звучат как синонимы.

В XV в. Московская Русь установила дипломатические сношения с рядом стран Востока. В XVI–XVII вв. к России были присоединены обширные области с азиатским населением. Для русских жи-

телей Казани Азия (как культурное пространство) начиналась на соседних улицах. Здесь не было ни излишнего уважения к Востоку, ни снисходительности к нему, только вплотную и вровень. Восточные торговцы стали привычными обитателями российских городов — их товары, как правило, были яркими и многоцветными, независимо от того, были ли это ткани или экзотические фрукты. В Россию везли расписные шали и ковры, драгоценное оружие, золотые изделия. Возникло стереотипное представление об «азиатской роскоши». Роскошь трактовалась как восточный образ жизни.

Практические потребности подогревали интерес к Востоку. Яркость его красок нередко формировала у тех, кто изучал Восток, представление о том, что все там было «не так». Востоковеды-марксисты преуспели в обратном рвении — усердно пытались найти на Востоке формы и краски, аналогичные западным. Незаурядные мыслители, пытавшиеся глобально оценить смысл человеческой истории в целом, склонялись к образу параллельных потоков эволюции с неодинаковыми потенциями. Арабским философом Ибн-Синою еще в XI веке был написан трактат, в котором противоположность Востока и Запада раскрывалась на материале 28 тысяч проблем (!). За прошедшую с того времени тысячу лет восточные особенности уплотнились, сконцентрировались в ряд черт, среди которых наиболее часто упоминаются естественность (гармония); пассивность; склонность к зависимости; медлительность; пессимизм; терпение.

Российские попытки понять еще более далекие части Азии, помимо тех, что уже были частью русского государства, начинаются с времен Петра I. Привезенный к царскому двору потерпевший кораблекрушение японец Дэнбэй был первым, кто вызвал интерес к стране Восходящего солнца и ее языку. При Петре I учреждается Духовная миссия в Пекине, начинаются военные столкновения в Персии (через столетие они приведут к успеху — российская палитра восточных красок приобретет новые тона, то бишь, территории). Сбор восточных рукописей и обучение восточным языкам становятся частью правительственной политики. С именем Петра I связано создание типографии с восточными шрифтами, собрание нумизматических коллекций. В знаменитой Кунсткамере в числе диковинных вещей собираются восточные книги, монеты и другие редкости.

В начале XIX века российские политические интересы сосредоточились на Ближнем Востоке, к концу его — на Дальнем. Имперские амбиции не скрывались — желание «владеть» Кавказом и Востоком без обиняков до сегодняшнего дня выражено в названиях Владикавказ и Владивосток (жители последнего, добродушно именуя свою малую родину «Владиком», вряд ли в бытовой суете осознают глубинную сущность этого понятия). Русские ученые, писатели, журналисты, дипломаты, офицеры, паломники составляли дневники и журналы путешествий, писали книги и проводили исследования. Для побед над Персией достаточно было военной силы, для обретения китайской Маньчжурии потребовалось дипломатическое давление, а для того, чтобы управлять вновь обретенными территориями российского административно-политического опыта было недостаточно — нужно было всестороннее знание обычаев, традиций, особенностей восточных культур. Российское востоковедение при своем

рождении опиралось на определенную поддержку власти, открывавшей университеты и Азиатские общества и вряд ли осознававшей, что действует согласно старой истине, когда-то сформулированной советником монгольского хана, сказавшего, что «сидя на коне завоевать государство можно, но сидя на коне управлять им нельзя». У меня есть твердое убеждение, что эта древняя истина до сих пор недоступна российским политическим и военным деятелям — 10-летняя бесславная кампания в Чечне — не единственный аргумент. Впрочем, власть любой страны снисходительна к словам советников, да и последние не всегда непогрешимы в своих прогнозах.

Политическое и научное «освоение» Востока шло в XIX веке параллельным образом, взаимовлияя друг на друга. Несмотря на имперские амбиции власти отечественное востоковедение сложилось на уважении к чужим культурам, на признании их ценности для человечества. Основные варианты развития на Востоке связаны с тремя цивилизациями — китайско-конфуцианской, индо-буддийской и арабо-исламской. Если вернуться к, возможно, слегка легкомысленному рассуждению о красках, то, как минимум, следует различать эти три основных тона, не говоря уже о множестве их сочетаний и промежуточных полутонах. Тем не менее, столетиями (и даже тысячелетиями) споры о Востоке втискивают это многоцветье в нечто единое, чего, на самом деле, не существует, ибо внутренние цивилизационные различия между восточными культурами не менее велики, чем различия каждой из них с европейской (западной).

Казалось бы, некий пафос моих размышлений сводится к банальному «не мажьте Восток одной краской». Но дело ведь не в том, понимать ли символику зеленого цвета одновременно как цвет ислама и листья берез, а символику красного как восточную воинственность и российский милитаризм. Важно то, что одноцветное восприятие Запада и Востока мешает понять российскую специфику и российскую идентичность. Сошлюсь на самые последние представления. По мнению американского экономиста и историка, профессора Северо-Западного университета Дж.Мокира, главного редактора пятитомной энциклопедии по экономической истории, особенность России заключена в дуализме ее ментальности. Россия не может найти своего места, разрываясь между Востоком и Западом². А его коллега из Принстонского университета в монографии «Значение России в мировой истории» полагает, что Россия — это не Восток и не Запад, и даже не их сплав. Россия — это «высочка», самородок мировой цивилизации³. Автор этой книги, американский историк Маршалл По оспаривает европейский подход, считавший «азиатским» все, что не есть Европа. Особое место России, на его взгляд, объясняется тем, что она не впитала ни западные, ни восточные ценности в сфере культуры и политики. Оригинальность такого подхода, вероятно, связана с попыткой найти выход из европоцентристских или евразийских тупиков. Впрочем, основатели евразийства тоже исходили из понимания России как особой цивилизации, отличающейся от европейской и азиатских. По мнению же современных евразийцев, любая цивилизация дает сочетание системных качеств Востока и Запада⁴. Современные евразийцы по сравнению с отцами-основателями 20-х годов XX века, мирно

творившими в тиши пражских и парижских библиотек, агрессивны, склонны к решительному противодействию тому, что они называют «навязыванием России» западной модели цивилизации.

Если углубиться в российское книжное море, то можно обнаружить появление еще более агрессивных тонов, нежели евразийские. Так, один из авторов добавляет значительную долю белой краски в российскую палитру. Белый цвет у него совсем не от симпатий к белому движению, это цвет Северного океана. Эпиграфом к книге «Россия между Западом и Востоком. Курс Норд-Ост» ее автор — Ю.В.Крупнов и издательский дом «Нева», выпустивший книгу 5-тысячным тиражом, взяла слова М.В.Ломоносова, посетовав, что чаще всего ломоносовская цитата обрывается на том, что «Российское могущество прирастает будет Сибирью...», в то время, как есть и ее продолжение «и Северным океаном». Уникальный, по мнению автора, северо-восточный вектор российской истории проявился уже в политике Андрея Боголюбского, был продолжен в освоении Русской Америки и Дальнего Востока, закреплен в переворотах 1917 года. Фантазии Ю.В.Крупнова включают мечты о столице России на Тихом океане, о «амурских», которые придут на смену «питерским», о Приамурье как центре мира XXI века.

Игнорирование религиозного, культурного, этнического многоцветья нередко приводит к трагическим последствиям и на бытовом и на политическом уровнях. Л.Н.Гумилев — крупнейший знаток восточных красок на российском (и, конечно, не только российском) пространии, обращал внимание на то, что «реакции, которые естественны у арабов, ... оскорбительны у тюрков и монголов и противоестественны для китайцев»⁵. Ныне эти проблемы возникают не только на рынках российских городов, но и в российских университетах.

Восточные краски российской палитры — это данность и реальность. На политическом уровне от их смешения могут возникать различные картины — от гармоничного взаимообогащения до нелепых конфликтов. Пока в России не сложилась гражданская нация (а ее складывание не просматривается ни на культурно-ценностном, ни на институциональном уровне), дисгармония будет преобладать. Этнополитолог Э.Паин считает, например, что «отношение к чеченскому сепаратизму со стороны россиян могло бы быть совершенно иным, если бы в эпоху произвола национальной политики кто-нибудь из советских вождей приписал бы Чечню не к России, а, скажем, к Грузии, как Абхазию и Южную Осетию, или как Крым к Украине»⁶.

Обилие восточных красок в прямом и относительном смысле этого выражения обрекает Россию на развитие и воспитание политикоректности, несмотря на некоторые почти смехотворные проявления этой политико-психологической ориентации в современных США.

¹ См. об этом: Тойнби А.Дж. Лекция, прочитанная Гитлером // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып.12. М., 2004.

² См. об этом: Московские новости. 2004. № 5.

³ Marshall T. Poe. The Russian Moment in World History. Princeton-Oxford, 2003.

⁴ См.: Цивилизации и культуры. М., 1996. Вып.3.

⁵ Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М., 1994. С.290.

⁶ Паин Э.А. Между империей и нацией. М., 2003. С.26.